

ческих особенностей речи героя — лексики, фразеологии, синтаксических построений, даже интонации. Вот как, например, переданы мысли студента-медика Бориса Полубояринова в рассказе Куприна «Мясо»: «...по мере приближения к анатомическому театру Борис почувствовал, что его мысли принимают неприятный оттенок. Конечно, пойти необходимо, нечего и говорить. Но эта пачкотня ужасно противна. Не будь желания отца, Борис непременно выбрал бы другой факультет, тем более что «наши» почти все на юридическом, кроме этого психопата Мельникова, помещавшегося на математике, и двух филологов, которые готовятся куда-то в китайские посланники». С несобственно-прямой речью сближается несобственно-авторское повествование, которое представляет собою авторскую речь, но включает некоторые вкрапления из речи персонажей. Так, в «Поединке», характеризуя поручика Федоровского, Куприн пишет: «Это был высокий и, как выражались полковые дамы, представительный молодой человек». Такие цитаты из речи персонажей могут заключаться в кавычки или выделяться курсивом, однако и без такого выделения инородный для автора характер их обычно не вызывает сомнений.

Несобственно-прямая речь и несобственно-авторское повествование широко представлены в произведениях Куприна, причем по мере того, как крепнет его талант, их использование становится все более разнообразным и стилистически нагруженным. И здесь учителями Куприна были, без сомнения, Ф. М. Достоевский и А. П. Чехов, так как именно у них несобственно-прямая речь и несобственно-авторское повествование чрезвычайно многоплановы и функционально значимы.

В ранних произведениях Куприна несобственно-прямая речь используется в основном для передачи мыслей героев, то есть представляет собой форму внутренней речи. Таковы ее функции в повестях «Впотьмах» и «Молох», в рассказах «Мясо», «Игрушка», «Дознание», «Ночная смена», «Ночлег», «Погибшая сила», «Поход», «Страшная минута» и др.

Несобственно-авторское повествование у раннего Куприна представлено в большинстве случаев в цитатной или курсивной форме: чужие слова в авторском повествовании выделяются кавычками или курсивом. Именно так выделены, например, слова из жаргона воспитанников и преподавателей кадетского корпуса в повести «На переломе» («Кадеты») и слова из речи разных представителей общества в «Киевских типах». Такие цитаты оказываются средством речевой и социальной характеристики.

В зрелых произведениях Куприна использование несобственно-прямой речи и несобственно-авторского повествования становится более разнообразным. В рассказе «Штабс-капитан Рыбников» в форме несобственно-прямой речи представлены высказывания Рыбникова, что позволяет автору выявить особенности его речи и одновременно показать впечатление, производимое ею на окружающих: «Все уже знали наизусть, что он служил в корпусном обозе, под Ляояном контужен в голову, а при Мукденском отступлении ранен в ногу. Почему он, черт меня возьми, до сих пор не получает пособия?! Отчего ему не выдают до сих пор суточных и прогонных? А жалованье за два прошлых месяца? Абсолютно он готов пролить последнюю, черт ее побери, каплю крови за царя, престол и отечество, и он сейчас же вернется на Дальний Восток, как только заживет его раненая нога. Но — сто чертей! — проклятая нога не хочет заживать. Вообразите себе — нагноение!»

В таких произведениях Куприна, как «Болото», «Корь», «Поединок», «Гранатовый браслет», «Анафема», «Яма», «Звезда Соломона», очень искусно организованным оказывается несобственно-авторское повествование: слов героя в авторском повествовании, по существу, нет, и лишь отдельные черточки, отголоски его речи накладываются на авторскую речь, вводя в нее иной субъектный план. Здесь важен общий налет соотнесенности повествования с мыслями персонажа, что создается общим синтаксическим построением, порядком слов, интонацией, — все это часто едва улавливается, скорее даже лишь чувствуется интуитивно. В наибольшей степени автор и герой сливаются в тех случаях, когда несобственно-автор-